

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Дизайн обложки Андрея Фереца

Миропольский, Дмитрий Владимирович.

М64 Тайна одной саламандры / Дмитрий Владимирович Миропольский. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (История и приключения).

ISBN 978-5-17-168275-0

Сверхсекретная вакцина вызывает внезапную эпидемию среди мировой элиты. Жертвы быстро проходят путь от озноба до кошмаров, безумия и самоубийства. Их число стремительно растёт. Что за неведомый вирус мог вызвать новую болезнь? Смертельная пандемия, которая угрожает всему миру, — это коварный замысел великого злодея или фатальная ошибка доброго гения?

Главные герои — отставной спецназовец, молодой историк и красавица-математик — вынуждены распутывать связи между последними открытиями Нобелевских лауреатов, давними подвигами французского Иностранного легиона, странными событиями в Европе, пиратами в Азии, кровавой бойней в Африке... Троица снова и снова рискует своими жизнями, чтобы помешать наступлению всеобщего хаоса — и открыть человечеству путь к бессмертию.

На основе реальных научных данных.

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168275-0

© Миропольский Д.В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Бледно-зелёное — Выпьешь И станешь про-
зрачным, Словно вода... Если б такое найти
лекарство!*

Исикава Такубоку, XX век

*Кто сказал, что бамбук
Гнётся под снегом?
Когда бы коленица гнуться могли,
Разве он зеленел бы зимой?
Верно, в морозы стоек один лишь бамбук,
Непреклонный, духом прямой.*

Вон Чхонсок, XIV век

*Всех же дней Мафусаила было
девятьсот шестьдесят девять лет;
и он умер.*

Пророк Моисей, XIII век до н.э.

ГЛАВА I

В очередной день приближённого значения числа *пи* майор Одинцов готов был кого-нибудь убить...

...и на роль жертвы уверенно претендовал Дефорж, который появился неожиданно и вконец угробил Одинцову настроение рассказом о психах и покойниках. Но первым всё-таки начал Мунин: двадцать пятого августа насчёт числа *пи* заикнулся именно он.

— Ты полегче, — посоветовал тогда Одинцов. — Это мы уже проходили, хватит.

Они действительно это уже проходили. Причём дважды за последние полгода.

Дату четырнадцатое марта во многих странах коротко записывают в обратном порядке: сначала месяц, потом день — 3.14, как первые знаки знаменитой константы. Шутники-программисты объявили четырнадцатое марта днём числа *пи*. Нынешней весной в этот день Одинцова с Муниним едва не убили, а потом преследовали, похищали, пытались убить снова... Они чудом спаслись — только благодаря тому, что сумели разгадать тайну трёх российских государей, — и потом два месяца поправляли здоровье в госпитале.

Двадцать второе число седьмого месяца можно записать как 22/7, двадцать две седьмых. Результат этого деления — 3.14, поэтому июльскую дату назвали «днём приближённого значения числа *пи*». После госпиталя Одинцову и Мунину казалось, что все бури позади. Но двадцать второго июля накатила новая волна, и жизнь компаньонов снова зависела от разгадки тайны двух древних реликвий, а смерть опять шла по пятам...

Двадцать пятого августа о занятом совпадении вспомнил Мунин. Что ж, очередной день, связанный с числом *пи*, действительно не задался, и доконал его рассказ Дефоржа.

Советуя Мунину не шутить с нумерологией, Одинцов как в воду глядел — причём в буквальном смысле: он любовался в бинокль на гладь Сиамского залива. Море играло всеми оттенками синего цвета. Чем дальше от берега, тем сочнее становились краски, бирюза резко переходила в лазурь и ультрамарин, а над горизонтом стояли облака — такие же белые, как пляжный песок под ногами Одинцова.

Когда Мунин с Кларой подошли к соседним шезлонгам, Одинцов оторвался от бинокля и окинул взглядом сдобную фигуру подружки своего компаньона. Клара спрятала под широкополой шляпой коротко стриженную рыжую голову и нацепила на нос большущие тёмные очки, но легкомысленный чёрный купальник не скрывал ни прелестей девушки, ни разноцветных татуировок на её молочной коже.

По рукам Клары змеились готические надписи. Левое бедро охватывала кружевная чулочная подвязка, изображённая в мелких деталях. Правая нога от ступни почти до колена была увита виноградной лозой. Пирсинг в пупке поблёскивал каплей росы на лепестке алой розы, стебель которой уходил под бикини, дразня фантазию. По плечам распластали крылья пёстрые бабочки.

Изучить эту живопись Одинцову помешал Мунин.

— Ева ещё спит? — спросил он.

Одинцов кивнул и снова уставился в бинокль. Он с Евой и Мунин с Кларой прилетели в Таиланд накануне, к вечеру добрались на остров Чанг и для начала решили хорошенько

отоспаться, а заодно привыкнуть к смене часовых поясов.

Два их бунгало стояли поодаль от прочих таких же белых одноэтажных домиков, которые рядами выстроились вдоль узкой полоски пляжа. Каждый домик — непритязательный на вид, с крышей из декоративного тростника — внутри скрывал просторные апартаменты класса люкс. Бóльшая часть отеля сейчас пустовала: конец августа в тропиках — сезон дождей, хотя с погодой компаньонам повезло.

Утром Одинцов поднялся первым и не стал будить Еву. После душа он прошлёпал босыми ногами по глянцевому деревянному полу в холл — с баром и кухней, где уютно пахло тиковым деревом. Сварил себе кофе, съел пару бананов и вышел на белый песчаный пляж, начинавшийся сразу за порогом.

До тридцатиградусной жары было ещё далеко, но песок уже высох после ночного дождя, и тёплая вода в море напоминала бульон. Одинцов понырял, отплыв подальше от берега — туда, где прохладнее. Он успел вернуться, смыть соль под душем и снова выйти на пляж, когда Мунин с Кларой наконец продрали глаза и устроились в соседних шезлонгах.

— Золото на голубом! — продекламировал Мунин то ли стихи, то ли песню, озирая панораму залива в солнечных искрах. Парочка обсуждала древнюю керамику. Одинцов не удивился. Мунин к двадцати пяти годам уже был знаменитым историком, который разгадал многовековую тайну трёх российских государей и кое-какие секреты европейской цивилизации, а юная Клара изучала археологию в Кёльнском университете.

За разговором о керамике девушка успевала бросать любопытные взгляды на Одинцова. Она

впервые видела его в одних плавках. Старый солдат на шестом десятке сохранил впечатляющую мускулатуру и неплохо загорел на даче под Петербургом — ещё до начала июльских приключений. Белокожей Кларе впору было завидовать...

...как и Мунину, который не мог похвастать ни мускулатурой, ни боевыми шрамами, ни загаром. Он почувствовал укол ревности, оборвал на полуслове фразу о глиняных черепках древнего Вавилона и спросил у Клары:

— Ты обгореть не боишься?

— Я намазалась, — ответила Клара, погладив лоснящееся от крема татуированное бедро.

— Ты обгоришь, — настаивал Мунин. — Давай пересядем вон туда, под пальмы. — Он мотнул головой в сторону тенистых зарослей рядом с бунгалом.

— Это бананы, — сказал Одинцов, снова покосившись на парочку.

— А банан что, не пальма? — хмыкнул Мунин.

— Нет. Банан — это трава. На которой растут ягоды.

Между собой компаньоны говорили по-русски. Клара поняла только международные слова, но подтвердила на английском:

— Это не пальмы и вообще не деревья, это бананы.

Мунин заслуженно гордился своей феноменальной памятью и обширнейшей эрудицией, а здесь попал впросак. Причём подловил его не кто-нибудь, а Одинцов — выдавший виды солдат, но далеко не энциклопедист. Историк взялся за смартфон, и через считанные секунды интернет-поиск подтвердил, что банан — травянистое растение, а его плод — в самом деле ягода.

Получив чувствительный удар по самолюбию, всезнайка поспешил вернуться к разговору о керамике.

— Кстати, в городе Сузы... это километров двести от Вавилона, — небрежно пояснил он Одинцову, — нашли табличку с числом *ни*. Табличке три тысячи семьсот лет. Тогда считали, что *ни* — это двадцать пять восьмых. А сегодня как раз двадцать пятое августа, восьмой месяц. Получается снова день приближённого значения числа *ни*.

Одинцов нахмурился и сказал:

— Ты полегче. Это мы уже проходили, хватит.

На сегодня он запланировал важное дело, а дата, связанная с числом *ни*, сулила только неприятности.

— Привет! — окликнула компанию Ева из дверного проёма бунгало.

Смоляную копну её курчавых волос пошевеливал морской бриз. Огромные синие глазищи глядели весело. Тёмная кожа эритрейской красавицы в свете тропического солнца отливала бронзой. Белый купальник был скромнее, чем у Клары, но тоже подчёркивал фигуру. В юности Ева блистала на подиуме — и отказалась от головокружительной карьеры манекенщицы, чтобы сделать не менее блестящую карьеру в математической аналитике. Теперь имя доктора Евы Хугин с уважением произносили коллеги по всему миру.

Ева подошла к шезлонгам и коснулась губами щеки Одинцова, который рывком встал ей навстречу.

— Привет, милый... Какая у нас программа? Уже придумали?

Мунин поспешил ответить:

— Нет, собирались как раз. Напоминаю, что мы знаем о Чанге. Тут в горах есть водопады, причём один — это целый каскад, пять штук. Есть школа обезьян, шоу показывают. Есть парк аттракционов с верёвочными лестницами, тарзанками, полосой препятствий и так далее. Вдруг кому-то интересно... — Историк взглянул на Одинцова. — Можно съездить на экскурсию в рыбацкую деревню. Можно полетать над островом на самолёте, копейки стоит. Можно квадроциклы взять в аренду и по джунглям прошвырнуться. Храмов буддийских тут много, в каждой деревне свой. Кстати, есть православная церковь Сергия Радонежского. Мемориал героям битвы с французскими колонизаторами. Затонувший корабль для дайверов... В общем, скучать не будем.

— Шопинг, — добавила Клара. — Ты забыл шопинг.

— Ну да, шопинг, — согласился Мунин.

— Точно! — поддержала Ева и поправила купальник на груди. — Я скоро перестану в этом помещаться.

Одинцов кашлянул.

— Хм... Шопинг — само собой, но я что хотел сказать... — Это было как раз то важное дело, для которого он уже который день подбирал слова. В голову не приходило ничего путного. — Чёрт его знает, как правильно... Наверное, надо смокинг надеть, встать на колени... Но тут все свои — чего перед вами дурака валить? Я лучше по-военному... Ева! Выходи за меня замуж.

— Вау! — Обрадованная Клара подскочила в шезлонге.

Ева молчала. Наступившую тишину нарушал только едва слышный шелест волн у берега.

— Ева, ты выйдешь за меня? — выждав достаточно долго, повторил Одинцов стандартную английскую формулу, которая терпимо звучит в кино, а в жизни от неё скулы сводит.

Ева грациозно уселась прямо на песок и взглянула на Одинцова снизу вверх.

— Почему именно сейчас?

— Ну, как... По-моему, самое время. Раньше не до того было.

— Ты предлагаешь пожениться, потому что я беременна?

Ева сказала о беременности полторы недели назад: раньше всей компании действительно было не до того. Но целых полторы недели Одинцов не заводил разговор о женитьбе.

— Такое надо сперва в голове уложить, — признался он. — Я обалдел, честно говоря. Всё-таки не мальчик уже...

Ева усмехнулась.

— Я тоже давно не девочка. Мне тридцать восемь лет. Обалдел он... А я не обалдела?! Как представляю, что скоро пузо начнёт расти, у меня мороз по коже. — Она снова поправила купальник на груди. — Но я не хочу, чтобы говорили, что ты женился на сорокалетней бабе из-за ребёнка. И сама не хочу так думать.

Одинцов помолчал ещё немного, сказал:

— Понятно, — и двинулся к морю.

— Народ, ну вы чего?! — подал голос Мунин.

Клара сердито ткнула его кулаком в бок, а Ева крикнула вслед Одинцову:

— Я не сказала «нет»!

— Ты не сказала «да», — пробурчал он, входя в кристально чистую воду. Из-под ног брызнули в стороны маленькие цветные рыбки.

— Жалеть не будешь? — спросила Клара у старшей подруги.

Ева вроде бы хотела ответить, но только надула щёки, с шумом выдохнула и перебралась в шезлонг Одинцова.

— А если он утопится? — неуверенно произнёс Мунин, глядя, как Одинцов гребёт прочь от берега. Женщины промолчали.

Потом Ева с Кларой и Муниным тоже искупались, поглазели на рыбок и раковины; потом пили сок, лёжа в шезлонгах...

И тут появился Дефорж.

ГЛАВА II

Одинцов плавал долго, а когда всё-таки вышел из воды на берег, застал всю компанию в тени под бананами. Ева с Кларой сервировали стол, укрытый белой синтетической скатертью с кружевной кромкой. Мунин разжигал угли в мангале. Дефорж откупорил уже вторую бутылку французского вина и приветствовал Одинцова:

— Рад снова видеть!

В отличие от незваного гостя Одинцов совсем не обрадовался, но пожал протянутую руку, что-то проворчал в ответ и ушёл в бунгало.

После душа, надев под стать Дефоржу лёгкую белую рубашку-поло на выпуск и просторные светлые шорты, Одинцов появился у стола с бутылкой виски.

— Я могу составить тебе компанию? — спросил Дефорж.

Одинцов, стараясь не смотреть на Еву, молча показал два стакана, которые захватил из домика. Француз оценил его предусмотрительность. О толстые донца стаканов звякнул лёд; Одинцов щедро залил его скотчем.

— Угли готовы, — отрапортовал Мунин. — Что дальше?

— Будем делать ската на гриле, — улыбнулся Дефорж. Кроме вина он принёс в подарок плоскую местную рыбину размером с портфель.

Клара захлопала в ладоши:

— Давайте, давайте, давайте! Представляю, как это вкусно!

Одинцов отхлебнул виски, закурил и осведомился:

— Что празднуем?

— Нашу встречу. — Рукой со стаканом Дефорж обвёл всю компанию.

— Ага. Случайную встречу.

Понять сарказм Одинцова было несложно. С Дефоржем они расстались две недели назад в Лондоне при обстоятельствах, которые не предполагали нового свидания, тем более настолько скорого.

— Всё в мире неслучайно! — парировал француз и коротко повторил то, что успел рассказать компаньонам Одинцова. Оказалось, последнее время он работает в Таиланде. Недавний визит в Европу, где произошло знакомство с Одинцовым и его друзьями, занял всего несколько дней. А теперь Дефорж вернулся в Таиланд и продолжает собирать кое-какую информацию.

Одинцов недоверчиво приподнял бровь.

— Что может быть интересного для тебя — в Таиланде?! Туристический бум? Секс-индустрия? Операции по смене пола? Тайский бокс?.. Или камбоджийская наркомафия снова подняла голову?

— Всего понемногу, — сказал Дефорж. — Кроме разве что наркомафии.

— Угли сейчас прогорят, — напомнила Ева. — А мне голодать нельзя.

Дефорж залпом допил виски и пообещал:

— Через пятнадцать минут всё будет готово.

— Минут сорок, не меньше, — возразил Одинцов, — и готовить буду я.

Он вооружился широким японским шеф-ножом с кухни, подточил его о край фаянсовой тарелки и принялся ловко разделявать ската, по ходу дела обучая Мунина и Клару кулинарным премудростям.

— Для начала смотрим на брюшко. Оно должно быть белым. Если жёлтое — скат не свежий...

— Я его ещё живого купил и вёз во льду! — возмутился Дефорж. — А рынок в двух километрах отсюда.

Одинцов не отреагировал и продолжил орудовать острым ножом.

— Чёрную шкуру со слизью соскребаем, чтобы спинка стала чистой. Хвост полагается отрубить: он жёсткий, на конце игла... Это не едят. Теперь брюшко — вот так... — Он сделал разрез крест-накрест: поперёк и вниз до самого хвоста. — Все потроха в помойку, кроме печени. Она вкусная... Вообще у ската обычно только крылья жарят, а тушку или выбрасывают, или перемалывают с печенью в паштет, например. Но у нас тут почти полевые условия, блендера нет, зато едоков много, поэтому используем рыбу по максимуму...

Часть кулинарных ингредиентов привёз Дефорж, кое-что нашлось на кухне в бунгало. Из давленных зубчиков чеснока, густой сметаны, щепотки душистых трав, свежавыжатого лимонного сока и соевого соуса получился неплохой маринад.

— У ската нет костей, только хрящи. Как у осетра. За это его хозяйки любят. — Одинцов подмигнул Кларе и сделал на крыльях рыбины с обеих сторон по десятку надрезов от хребта до

краёв. — Это чтобы маринад быстро и равномерно впитался.

Когда скат был обмазан, Одинцов сказал:

— Его бы теперь в холодильник на пару часов, но среди нас есть голодные... В советское время шутили, что китайцы утром сажают картошку, а вечером уже выкапывают. И когда их спрашивают: «Почему так быстро?» — отвечают: «Очень кушать хочется». Мы с вами в Индокитае. Сделаем по-местному, потерпим десять-пятнадцать минут.

Время ожидания компания скоротала за напитками и рассказом Дефоржа о тонкостях жизни в Таиланде: как вести себя с тайцами, как торговаться, куда съездить, на что стоит обратить внимание...

Одинцов припомнил Мунину бананы и отправил его к пальмам, которые росли поодаль, велел принести обломок ветки длиной ладони в две.

— Зачем? — спросил недовольный историк.

— Надо!

Мунин оставил на столе вино и поплёлся в рощу, а остальные затрепетали ноздрями, когда Одинцов пристроил на мангале здорового ската, втиснутого в решётку с зажимом.

— Жара не должно быть много, — сказал он Кларе. — Если можешь держать руку над решёткой пару секунд, значит, нормально. Рыба — продукт нежный. Готовится минут за пятнадцать. И переворачивать надо почаще.

Перевернув ската раза три-четыре, Одинцов смазал его с обеих сторон остатками маринада прямо через решётку. Мунин выполнил задание и глотал слюнки вместе с остальными: от мангала тянуло невозможно соблазнительным ароматом.

Одинцов быстро настругал пальмовую ветку на угли. Тлеющие стружки окутали рыбу сизым дымком.

— Подкоптить хочу немного, — объяснил Одинцов и ещё несколько раз перевернул решётку. Пятнадцать минут истекли, рыба была готова. Каждому досталась порция внушительных размеров.

— М-м-м... Обедение... — простонала Клара, отведав стряпню Одинцова, и Мунин поддакнул между большими глотками сухого вина:

— Угу... Фантастика... Можно, я завтра куплю ската и попробую повторить?

— Валяй, — разрешил Одинцов.

— Стоило бы добавить каперсов, — с видом парижского гурмана заметил Дефорж, — хотя и без них звезда «Мишлен» тебе обеспечена.

Одинцов ответил скромно:

— Я старался.

Со вчерашнего дня все только пили воду или сок и ели фрукты. Влажная тридцатиградусная жара не способствует аппетиту, но ближе к вечеру он появился. Перед закатом вся компания снова была сыта.

День прошёл без дождя. Голубовато-белёсое небо постепенно сделалось розовым, а в седьмом часу вечера солнце красной каплей стекло в сиреневые облака над горизонтом.

— Здесь рано темнеет, зато ночи длинные, — сказал Дефорж. — Хорошо сидеть вот так в приятной компании...

На закате сработала автоматика, и со столба между двумя бунгало засиял небольшой прожектор, который выхватил из густеющей тропической тьмы пятно пляжа с шезлонгами.

В зарослях застрекотали цикады. Ева и Клара отправились в свои апартаменты переодеваться.

Мунин без понуканий Одинцова быстро прибрал на столе и ушёл вслед за Кларой. Одинцов и Дефорж расположились в шезлонгах со стаканами виски, глядя на ночной залив: уже не золото солнца на голубом, но серебро луны на чёрном.

Они были похожи — двое мускулистых поджарых мужчин в возрасте за пятьдесят, разве что у Одинцова седина коснулась только пряди в аккуратной короткой причёске и половины левой брови, а Дефорж поседел полностью и стригся под машинку.

Одинцов знал, что французский гость раньше служил старшим офицером в разведке и теперь сотрудничает с международным детективным агентством «Чёрный круг». Это высочайший уровень: среди учредителей агентства числятся бывшие министры нескольких стран и отставные руководители спецслужб. Контракты по миллиону евро для «Чёрного круга» в порядке вещей. Если Дефорж застрял в Бангкоке, значит, задача у него непростая. А если он разыскал компанию Одинцова — хотя пару недель назад они попрощались, чтобы никогда больше не встречаться, — значит, это зачем-то нужно «Чёрному кругу».

Во время лондонских приключений Дефорж выяснил, что только Клара путешествует под своим настоящим именем и со своим единственным паспортом гражданки Германии. Российские граждане Одинцов и Мунин пользовались паспортами Федерации Сент-Киттс и Невис, маленькой страны на Карибских островах. В дороге они играли роли отца и сына — Карла и Конрада Майкельсонов. У Евы, гражданки США, тоже был паспорт островной Федерации с другим именем. Компаньоны получили новые документы легальным путём — не придерёшься,